

Как только Гуньгунь научился ходить, он решительно отказался от подгузников и жестами показал, что ему нужен туалет. Малышу, похоже, было очень весело пользоваться унитазом, управляемым жестами. Как только он с помощью прав администратора повысил чувствительность датчиков, он стал без конца использовать жесты сжатия, раскрытия, подъема, опускания и захвата, заставляя унитаз увеличиваться или уменьшаться, подниматься и опускаться, убираться в стену или выдвигаться обратно. Хотя его пухлые лапки были не такими идеальными, как человеческие, их гибкости было более чем достаточно. Унитаз был оснащен функцией автоматического смыва и сушки, так что беспокоиться о проблемах после туалета не приходилось. Однажды Мо Цянь даже услышал музыку, доносившуюся из уборной — малыш умудрился включить и её, вот ведь умелец.

Поскольку большую часть дня ему приходилось проводить в комнате, помимо учебы ему оставалось лишь исследовать помещение, и он даже добирался до роботов-уборщиков, чтобы изучить их устройство.

Глядя на маленькое тельце, мерно вздымающееся во сне, и слегка потирая крошечные ушки, Мо Цянь испытывал некоторую вину. Он уже закончил с делами, и база была в основном приведена в порядок, так что настала пора позволить ему жить более свободно.

— Пип-пип.

Солдаты, которые до этого скучали на своем посту, тут же приободрились.

И действительно, спустя два вдоха из-за поворота показалась маленькая машинка.

Это была машинка в буквальном смысле — не выше колена взрослого человека, с двумя рядами колес внизу. Кузов представлял собой просто подножку, дополненную передним щитком и поручнями, а скорость была даже ниже, чем у шагающего солдата.

С точки зрения солдат, им был виден только серо-белый круглый котелок на переднем щитке да два полукруглых ушка, чуть отклонившихся назад от ветра. Когда машинка приблизилась, взгляд с прямого сменился на косой, и солдаты увидели прямостоящее тело под круглой головой.

Машинка доехала прямо до двери, постепенно замедлилась, свернула влево, объехала ногу солдата и остановилась у стены. Как только два передних когтя существа, лежавшие на поручнях, были убраны, машинка тут же намертво замерла. Существо немного отступило назад, встало на все четыре лапы, ловко спрыгнуло с сиденья и, косолапя, вбежало в дверь.

Ах, чего и следовало ожидать от боевого питомца командира, сегодняшний «мм-братец» тоже был загадочно крут!

Во время обеда Сюн Мао приехал в столовую номер один на своем любимом транспортном средстве.

Эта машинка стала его любимой вещью в последнее время. Хотя ехать на плечах командира было куда пафоснее, это не шло ни в какое сравнение со свободой самостоятельного вождения.

Благодаря намеренным разъяснениям Мо Цяня, Сюн Мао уже разобрался, чем занимается планета Боге, кто такие обычные люди, и изучил все места на базе, куда ему разрешалось входить. Убедившись, что малыш не потеряется, и предупредив ответственных лиц, Мо Цянь позволил ему свободно передвигаться.

Эту машинку сделал для него один из братьев Мо Цяня, Лань Е, когда узнал, что малыш любит кататься по округе. Хотя, строго говоря, четверка друзей и Фиби были подчиненными Мо Цяня, Сюн Мао считал их отношения скорее братскими. По мере того, как они узнавали друг друга лучше, Сюн Мао начал воспринимать их как друзей, даже несмотря на то, что они видели в нем лишь ребенка-зверька.

Некоторое время назад, чтобы облегчить ему жизнь, Мо Цянь попросил Лань Е сделать две лестницы: одну к умывальнику, чтобы он мог сам мыть лапы, принимать душ и сушиться, а другую — к кровати, чтобы ему было проще забираться. Старую горку убрали, но заметив, что Сюн Мао грустит, на следующий день Лань Е заменил лестницы на «роскошные» — слева была обычная лестница, а справа — горка, причем еще более крутая и интересная. Комната при этом стала выглядеть весьма своеобразно. Сюн Мао, наконец, мог скатываться, забираться обратно и снова скатываться. Разумеется, только когда в комнате не было никого, кроме него.

С тех пор Лань Е, кажется, открыл для себя новое дерево навыков и в свободное время любил мастерить детские вещи, особенно игрушки, постоянно приговаривая, что готовит их для своего будущего ребенка. Поскольку матери его будущего ребенка еще и в помине не было, ему оставалось практиковаться на Сюн Мао. Однажды он с серьезным лицом принес ему маленькую лошадку-качалку, голову которой специально выточил в виде Сюн Мао, но встретил лишь разочарованный взгляд. Только Мо Цянь напомнил ему, что Гуньгунь — довольно развитый для своего возраста мальчик и предпочитает вещи покруче.

Так у Сюн Мао появилась эта чисто черная машинка с лаконичными линиями. Хотя гигант мастер упрямо выгравировал на поручнях голову панды, та скалилась оскалом с острыми зубами, которых у самого Сюн Мао еще не было.

Как бы ни выглядели творения Лань Е, Сюн Мао вынужден был признать, что они крайне удобны. Как и эта машинка: двигатель на солнечной энергии, автоматическая подзарядка, гибкое ограничение скорости, проходимость на ровной почве, на склонах и в грязи. Управление с помощью поручней было простым: запуск, поворот, переключение передач и даже автоматический задний ход. Как только руки водителя покидали поручни, машина останавливалась сама, а в случае опасности срабатывала подушка безопасности, полностью окутывающая водителя.

У старого Сюн Мао тоже был маленький электрический аппарат на солнечных батареях, но тот был куда сложнее, в то время как эта модель была изготовлена на заказ и подходила только ему. Впрочем, на планете Боге и не нашлось бы второго такого существа — маленького, высокоинтеллектуального и получившего личное разрешение от верховного

главнокомандующего разгуливать по базе.

Теперь это существо вошло в столовую и ловко проскользнуло между ног солдат, несущих подносы, направляясь к столу в центре.

Человек, который сначала был для него лишь кормильцем, а теперь стал старшим братом, словно почувствовал его приближение. Он обернулся, и хотя на его лице не было эмоций, в глазах светилось мягкое сияние.

12. Глава 12

С тех пор как отпала необходимость встречать Гуньгуня, Мо Цянь наконец-то смог обедать вовремя.

Теперь у его стола появилась маленькая лесенка, верхняя ступенька которой была чуть ниже края стола, а рядом стояли маленькая миска с водой и чистое полотенце. Изначально это устроил Майл, основываясь на своем небольшом открытии. И с тех пор, каждый раз, когда они приходили в столовую, эти вещи уже ждали их.

Малыш подошел к столу, цок-цок-цок вскарабкался по лестнице и сел на верхней ступени. Его задние лапы становились всё сильнее, позвоночник развивался хорошо, поэтому ему нравилось и сидеть, и стоять, хотя для долгого стояния ему всё же нужно было за что-то держаться.

Издав «мм», он поздоровался со всеми, опустил обе передние лапы в миску и, зная, что их нужно потереть друг о друга, начал умыться. Вымыв лапы, он слегка стряхнул воду и вытер их полотенцем — вот и вся подготовка к обеду.

Сколько бы раз солдаты ни видели это, для них каждый раз это было чудом. Они полагали, что такое поведение, отличающееся от обычных животных, — результат дрессировки Мо Цяня, и автоматически добавили своему командиру еще один нимб — непобедимого укротителя зверей. У Эдвина и остальных были свои догадки, но никто ничего не сказал.

Зажав ложку шестым пальцем без когтей и обхватив цилиндрическую ручку остальными пятью, Гуньгунь начал есть обед. Его посуда сменилась с маленькой миски на поднос и ложку, форма и размеры которых менялись несколько раз и теперь были подобраны идеально для текущего этапа его развития.

Еда на подносе состояла в основном из злаков, овощей и фруктов, плюс две мясные тефтельки. Злаки и овощи были отварены до мягкости, фрукты и корнеплоды нарезаны небольшими кусочками — всё очень легко усваиваемое. На взгляд, вся еда была красиво сервирована — уровень явно не армейского повара. Более того, если Гуньгунь что-то особенно любил, частота появления этого блюда увеличивалась. Кроме мяса — оно было каждый день, видимо, повар считал, что оно необходимо для баланса питательных веществ, но порции стали меньше, разнообразия больше, и часто его превращали в пюре вместе с овощами и фруктами.

Такого отношения нельзя было ожидать в армии, даже верховный главнокомандующий не мог на него рассчитывать. Если бы кто-то другой из офицеров осмелился потребовать подобное, у поваров нашлась бы сотня веских поводов для отказа.

Прежде чем Фиби, страдающая профессиональной привычкой к расследованиям, начала «расследование», Майл, обладающий способностью видеть на расстоянии, понял причину: всякий раз, когда малыш приходил обедать, повара прятались вдалеке и наблюдали за ним. Они даже использовали бинокли, чтобы рассмотреть всё получше. Не боясь они помешать трапезе офицеров, они бы, наверное, толпились у самого стола, наблюдая, как ест малыш.

Дискриминация была налицо.

Глядя на аппетитно разложенную еду на подносе малыша, а затем на свою «пищу» на подносе, Фиби поникла. Ей было тяжело каждый день обедать в армейской столовой с кучей мужиков и без возможности оставить еду в тарелке. Не успела она пожаловаться, как сосед протянул ложку, положил ей то, что она любила, и забрал то, что она ненавидела.

Бросив взгляд на бородатого мужчину рядом, Фиби мысленно показала большой палец. Хотя она и родилась в богатой семье, но сама выбрала службу в информационном отделе армии, так что она вполне могла терпеть трудности. После того как она пару дней походила с мученическим выражением лица, кто-то наконец не выдержал и проявил заботу. Ради этого она готова была есть сухой паек хоть еще целый год.

Атмосфера за столом стала странноватой, все молча уставились в свои тарелки, быстро поглощая пищу. Мо Цянь, хотя и продолжал двигаться элегантно, явно ускорился.

Сюн Мао не заметил этого взаимодействия. Ему просто показалось странным: никто больше не пялился на его поднос, если не считать солдат, то и дело бросающих взгляды в их сторону, но откуда же это чувство, что чей-то взгляд постоянно прилип к нему самому?

Доев всё, что было на тарелке, включая мясо, которое он раньше любил, а став пандой, начал считать невкусным, Сюн Мао поднял лапу и вытер рот слюнявчиком. Перестав носить подгузники, он не отказался от слюнявчика — вовсе не из-за слюней (как взрослый в душе медвежонок, он вполне контролировал себя), а из-за того, что слюнявчик был удобен. По сравнению с салфетками, которые превращались в комок, стоило им коснуться его лап, тканевый слюнявчик был прочным и удобным для ношения. Он был очень чистоплотным медведем.

Обед закончился. Мо Цянь встал, легонько потрепал его за ухо и, не дав никаких других наставлений, первым вышел из столовой. Сюн Мао тоже поспешил прочь, быстро перебирая короткими лапками, в очередной раз успешно сбежав из цепких лап богини Фиби.

Этим днем он на своей любимой машинке отправится гулять один.

Получив от Мо Цяня разрешение на свободное передвижение, Сюн Мао превратился в полудикого медведя.

Его зубы почти все прорезались, но Мо Цянь, следуя совету военного врача, не позволял ему есть твердую пищу молочными зубами. Поэтому его рацион состоял в основном из молока, а в полдень и вечером он приходил в столовую за добавочным питанием.

Зубной очиститель он всё же использовал. Это был маленький прибор, установленный у умывальника: если направить в него рот, он выпускал струю воздуха с неизвестным составом, которая легко очищала зубы, не повреждая нежную слизистую оболочку полости рта.

Иногда Сюн Мао намеренно выставлял мощность очистителя на максимум, чтобы сильный поток воздуха бил ему в рот, и издавал из горла звук «мм~~», сталкиваясь с потоком в скучной игре. Однажды его застал Мо Цянь, и этот холодный на вид, но ласковый в душе брат-опекун впервые отвесил ему шлепок по попе.

Удар был несильным, но стыд Сюн Мао зашкаливал, и он долго не мог поднять мордашку из лап. Только когда Мо Цянь посчитал, что тот уже достаточно раскаялся, он подошел, потрепал его за уши и взял на руки, проведя пятиминутную лекцию о безопасности. Это был самый строгий поступок Мо Цяня по отношению к нему.

Только тогда Сюн Мао понял, что, возможно, слишком долго был детенышем, и его психика стала инфантильной. Он начал естественно совершать вещи, свойственные детям, и чувствовать, что о нем заботятся и воспитывают как ребенка, его больше не смущало, а даже казалось само собой разумеющимся.

Но что делать, если он совсем не хочет это менять? У него даже появилось импульсивное желание продолжать хулиганить, ведь в худшем случае ему просто шлепнут по попе, а потом обнимут и поучат. Таких мыслей у него не возникало, даже когда он был человеком. Конечно, когда он был человеком, никто не стал бы его бить, обнимать или воспитывать, а просто махнул бы на него рукой. Неужели это наступил запоздалый переходный возраст?

Сюн Мао не знал, что такое настоящий переходный возраст, но единственным развлечением, которое приходило ему на ум, было не оставаться дома за учебой, пока родитель работает, а носиться повсюду на своей машинке.

Однако годы привычки к самодисциплине брали свое. Стоило ему просто покататься весь день, ничего не делая, как у него самого возникало беспокойство, и он возвращался, чтобы прилежно выполнить ежедневный план.

Ежедневный план медведя: утром — изучение энциклопедических знаний из обучающих кристаллов и новых материалов, найденных опекуном; после обеда — «исследование» базы планеты Боге; вечером — ответы на вопросы и углубленная учеба с опекуном.

После того как он закончил с простым языком, письменностью и вычислениями, учеба Сюн Мао стала более разрозненной. Мо Цянь не выдвигал требований и не давал советов, лишь поставлял всё больше базовых учебных материалов, оставляя выбор за ним. Поразмыслив о будущих проблемах, Сюн Мао поставил себе примерные цели: во-первых, продолжать изучение языка, во-вторых, в общих чертах охватить культурные, биологические, химические и физические основы, тесно связанные с местными знаниями, а затем уже решать, стоит ли выбирать профильное направление для углубленного изучения.

Эта учеба была для Сюн Мао одновременно интересной и трудной.

Интересной из-за постоянной новизны.

Незнакомая система, населенная разумными существами, чей внешний вид и поведение были очень похожи на землян, раскрывалась перед ним шаг за шагом. Этот процесс был удивительным: внутри привычной основы прорастали слои новых элементов. Это было похоже на просмотр грандиозного фейерверка: ты знаешь, что взрываются искры, ты примерно представляешь, как они выглядят, но каждая новая вспышка имеет свой уникальный лик — какая бы она ни была красивая, она показывает иные узоры, и ты никогда не угадаешь, что будет дальше.

Больше всего в этом процессе впечатляла биология. В дополнение к людям, занимающим доминирующее положение, система Аолай была полна разнообразных существ, словно звезд на небе. Животные, похожие на динозавров, но в несколько раз меньше, были здесь домашним скотом; стайные существа, похожие на волков и собак, были дикими, агрессивными и лишь изредка приручались; кроликоподобные животные были одними из самых популярных питомцев; крупные звери в кошачьем облике когда-то были вымирающим видом, как большая панда на Земле, — из-за клейма «ценный мех» их массово истребляли на заре создания Федерации, а теперь они перешли от защиты в неволе к постепенному одичанию... Конечно, было много и таких существ, которым на Земле не нашлось аналогов — их причудливый облик и характеристики заставляли Сюн Мао чувствовать, что он смотрит 3D-версию старинного сборника монстров.

Для тех, у кого не было земных аналогов, Сюн Мао учил местные названия, а тем, кто напоминал земные виды, он без тени фантазии давал мысленные прозвища: маленькие динозавры, волкособы, кролики, тиран-коты...

Трудность тоже заключалась в новизне.

Местные физические правила и шкалы в основном совпадали с земными, но были и существенные отличия. Возможно, этот мир изначально отличался от мира Земли, а возможно, из-за разного уровня развития технологий и направлений научных исследований, местные открытия опровергали некоторые фундаментальные представления землян. Бывшему землянину, получившему полноценное базовое образование, принять эти «опровержения» было нелегко. Сложность была не в запоминании, а в том, чтобы разрушить и перестроить глубоко укоренившиеся убеждения — мучения от этого были сродни сотрясению мозга.

Именно поэтому Сюн Мао уделял учебе только половину дня. В отличие от начального изучения языка, темп дальнейшего conteúdo он вынужден был замедлить, усваивая по чуть-чуть каждый день, иначе боялся сойти с ума.

Еще одним фактором, грозившим превратить его в безумного медведя, было то, что он не находил никаких следов Земли.

Ни в материалах, которые он просматривал, ни в энциклопедическом словаре, установленном Мо Цянем, он не нашел ни букв, ни картинок, напоминающих Землю, и даже Млечный Путь нигде не упоминался.

К счастью, он давно подготовил себя к этому, и, учитывая собственное существование, всё еще питал надежды — он не нашел здесь животных, похожих на панд, но он-то существовал, значит, и Земля вполне могла существовать, просто по каким-то причинам не была задокументирована.

Вопросы о родине и о нем самом оставались тайной. Сюн Мао пытался спрашивать Мо Цяня, но его текущих способностей к общению явно не хватало для столь сложных вопросов, и результат, естественно, был нулевым.

Он также размышлял, не устарели ли данные, которые он читает — может, Земля только недавно была обнаружена людьми из этой системы? Но у него не было возможности посмотреть последние новости или выйти в сеть: кольцо Мо Цяня он мог рассматривать, но пользоваться им не умел.

Сюн Мао несколько раз видел, как Мо Цянь использует кольцо для связи или работы с документами. Мо Цянь не скрывался от него и даже объяснил, как работает это кольцо. Это был портативный световой компьютер — полноценный коммуникатор и компьютер. Как и на Земле, где тип и стоимость компьютеров разнятся, у персональных компьютеров Федерации Аолай тоже была масса разновидностей. Обычные коммерческие модели работали на энергии звезд — стоило им попасть под свет местного солнца Аолай, как они начинали заряжаться. Размер, внешность и функционал зависели от цены, а самые популярные формы — браслеты, кольца и ожерелья. Обычные солдаты были оснащены моделями, изготовленными по единому стандарту, с ограничениями по времени связи и интернет-трафику, а также подлежащими мониторингу. У Мо Цяня был новейший заказной образец из спецразработки — он работал на биологической энергии и был привязан к владельцу: пока бьется сердце владельца, энергии достаточно, а без особых настроек он самоуничтожался через три секунды после смерти пользователя.

Словно родитель, рассказывающий ребенку об интересующих его вещах, Мо Цянь не стал выдавать Сюн Мао свой компьютер. Как бы рано ребенок ни повзрослел, опекун вряд ли подумает, что ему так необходимы подобные игрушки. Зато он нацепил ему то, что каждый родитель дал бы ребенку, отправляющемуся на прогулку в одиночку — локатор.

Это был маленький черный шарик, совмещавший функции поиска и сигнализации. Он

прятался под густой шерстью медвежонка и слюнявчиком, так что если не искать специально — не увидишь. Если бы возникли мелкие неприятности, Сюн Мао достаточно было хлопнуть лапой или слегка прикусить его, чтобы подать сигнал помощи. В экстренной ситуации сильное нажатие включало пронзительный визг, яркое свечение, а сигнал тревоги мгновенно передавался наблюдателям, обеспечивая максимально быстрое прибытие помощи.

Офицер, с которым его не связывали ни кровное родство, ни даже общий вид, заботился о нем до такой степени, что сердце Сюн Мао наполнялось теплом, словно весь мир стал для него опорой.

Отбросив неразрешимые вопросы в сторону, можно было констатировать: учиться и играть без стресса — одно из величайших счастья!

И вот сегодня, завершив самостоятельную учебу и вкусно пообедав, счастливый медведь отправился искать приключения.

Лишь Сюн Мао не ожидал, что эта поездка за развлечениями закончится тем, что он в унынии повиснет на дереве.

13. Глава 13

Когда опекун Мо нашел своего медвежонка, тот висел на дереве и, судя по всему, спал самым сладким сном.

<http://bllate.org/book/19102/1876157>